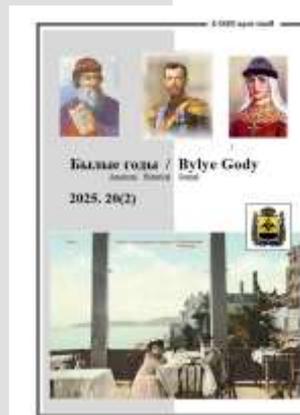

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 608-619
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.608

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Custom of Horse Stealing among the Tatars-Mishars of Mordovia in the 18th – 19th centuries: Historical and Legal Aspects

Lyubov N. Shchankina ^{a, *}, Oksana V. Egorova ^b

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow, Russian Federation

Abstract

It is devoted to the problem of horse theft among the Tatars-Mishars of Mordovia in the 18th-19th centuries. The author analyzed the legislation regarding this unlawful act; drew attention to the reasons for its appearance; measures to combat it by law enforcement agencies; the attitude of the authorities and the population; types of punishment, both legally justified and illegal – within the framework of lynching. The results of the analysis of available sources made it possible to come to the conclusion that the type of crime against property under consideration was characteristic not only for the provinces of the Volga region, but on various scales it became widespread throughout the country. In this regard, the fight against this type of crime during this period was given special importance. This was mainly due to the fact that the horse was the main tool of production for rural residents, and its loss represented significant material damage for the owner, in most cases threatened with ruin and starvation. In addition, horse movement was almost the only possible communication option between settlements. It was established that horse theft was one of the worst types of theft and was condemned by peasant society. In particular, the person himself, convicted of theft, lost the respect of the community, and this offense cast a shadow on the whole family. Despite the fact that serious measures were taken both at the highest legislative level by tightening sanctions and at the local level, nevertheless, a clear system for combating horse theft was not formed in the end.

Keywords: provinces of the Volga region, the Republic of Mordovia, Mishari Tatars, criminal fishing, horse theft, theft, customary law.

1. Введение

Конокрадство, или «коневая татьба», в истории Русского государства практически всегда расценивалось как серьёзное преступление, поскольку вследствие лишения лошадей крестьянское хозяйство с высокой вероятностью разрушалось. Помимо того, что лошадь являлась основным средством производства, конное перемещение выступало чуть ли не единственно возможным вариантом коммуникации между населёнными пунктами, и хищение животного значительно затрудняло расследование подобных преступлений. Сказанное объясняет, почему наказание в таких случаях, независимо от периода развития государства, всегда было достаточно жёстким, притом не только в рамках актуального законодательства, но и на основе обычного права, которое, в сравнении с действующими нормативными актами, как правило, карало не просто строго, но жестоко, безжалостно.

Многие народы России считали лошадь богатством семьи, кормилицей, поскольку её наличие являлось главным фактором жизнеобеспечения, которое формировалось при возможности обрабатывать землю и выращивать урожай. Её потеря грозила семье бедностью, а нередко и голодной смертью. Кроме того, это животное выполняло функции единственного и востребованного средства передвижения, коммуникации между селениями, перевозки грузов. Частые кражи естественным

* Corresponding author

E-mail addresses: schanckina@yandex.ru (L.N. Shchankina)

образом приводили к ухудшению породы, поскольку в основном для дальнейшей перепродажи похищали лучших её представителей. Лишившись коня, крестьяне нередко прибегали к отхожим промыслам или вынуждены были искать работу по найму.

2. Материалы и методы

Статья выполнена преимущественно на материалах законодательных актов Российской империи. В частности, информационный массив, относящийся к теме, сосредоточен в «Полном собрании законов Российской империи», а также в следующих источниках: «Материалы для истории крепостного права в России: извлечения из секретных отчетов МВД за 1836–1856 гг.»; «Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 г.»; «Сборник Пензенского губернского статистического комитета»; «Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии»; «Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии». В них размещены не только важные статистические данные, но и правовые акты, приведены правила организации деятельности правоохранительных органов, охарактеризовано общее состояние преступности в регионах, в том числе в сфере конного воровства. Важную часть источниковой базы составили архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Пензенской области (Пенза, Российская Федерация). В них содержатся данные о состоянии животноводства и количестве скота, в том числе лошадей. Из фонда Научного архива Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация) извлечены сведения, касающиеся занятий татар-мишарей. Кроме того, к исследованию были привлечены публикации в периодической печати, а именно в «Тамбовских губернских ведомостях».

Ценным источником послужили официально-документальные материалы начала XI в. – XIX в. (Русская правда, Псковская судная грамота, Соборное уложение 1649 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., 1885 г.), сведения из которых дали возможность показать, как менялась и ужесточалась система назначения наказаний за кражу лошадей с момента образования российского государства вплоть до конца XIX в.

Исследование основывается на принципах историзма, целостности и отбора документов. Базовым методом выступил текстологический анализ, доказавший эффективность для целей поиска и обработки информации в больших текстовых массивах. Дополнительно был применён историко-сравнительный метод, что позволило сопоставить данные о конокрадстве в изучаемых регионах государства. Также в работе были использованы методы исторической реконструкции, дескриптивный и взаимопроверки сведений из различных источников, в результате чего на основе упомянутых выше разнообразных ресурсов была предпринята попытка воссоздать целостное представление о предмете научных изысканий.

Территориальные рамки исследования охватывают уезды и губернии Поволжья, которые ранее входили в состав данного региона. Ныне же некоторые из них относятся к Республике Мордовия, а именно: Темниковский уезд Тамбовской губернии, Ардатовский уезд Симбирской губернии, Саранский уезд Пензенской губернии. Для сравнения привлекались отчётные сведения по Саратовской и Самарской губерниям, сформированные в аналогичные периоды.

3. Обсуждение

Характеризуя историографию вопроса, отметим, что она не отличается большой проработанностью. Одной из наиболее значимых и информативных для данного исследования считаем работу А. А. Левенстим «Конокрадство с юридической и бытовой стороны», автор которой достаточно полно рассмотрел конокрадство как преступление; показал причины распространённости этого явления; изучил законодательство в названной сфере; привёл статистику о количестве, времени и месте краж; проанализировал взаимоотношения конокрадов и деревенского сообщества и т. д.

Л. Весин изложил результаты своего исследования в статье «Конокрадство, его организация и способы борьбы с ним населения в контексте организованной преступности», где наряду с масштабом преступления, наносимым им ущербом, системно описал данный преступный промысел и варианты противодействия ему.

Кроме того, в русле заявленной проблематики интерес представляет работа С. Ф. Ташкина «Иногородцы Поволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии», в которой систематизирован обширный круг материалов, касающихся жизни иногородцев (татар, чувашей, мордвы и т. д.), их правового положения. Также в ней приведены сведения о конокрадстве у проживавших в Поволжье татар, в том числе об установленных у них видах наказания за воровство лошадей.

Различные аспекты, связанные с изучаемым феноменом, рассматриваются и в монографии Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении».

4. Результаты

Из всех преступлений, совершаемых в пределах Российской империи, конокрадство заслуживало особого внимания в связи с распространённостью этого зла и величиной вреда, который

оно причиняло населению. Поэтому в периодической печати, в заседаниях земств и всеподданнейших отчётах губернаторов постоянно обсуждался вопрос о необходимости борьбы с этим явлением и конкретных мерах его пресечения.

За кражу лошади в дореволюционной России наказывали особо. Так, в древнейшем юридическом памятнике, Краткой правде, за похищение коня был установлен штраф в 3 гривны (ст. 12) (Тихомиров, 1953: 78). Пространная правда в аналогичной ситуации усиливала уголовную репрессию и предусматривала высшую меру наказания – «поток и разграбление» (ст. 35) (Русская правда. Суд Ярослава). Псковская же судная грамота уравнивала «коневого татя» с «переветником» (т. е. государственным изменником) и вменяла таким преступникам смертную казнь (ст. 7) (Псковская судная грамота). Согласно тексту Соборного уложения 1649 г., за хищение коня вору следовало отсекал руку (ст. 29), а п. 52, 53 гл. XXI «О розбойных и татинных делах» этого документа вводили правило обязательной регистрации лошадей при покупке с описанием «...в шерсть, и в лета, и в приметы» (Соборное уложение 1649 г.).

Начиная с XIX в. восприятие конокрадства несколько меняется, а именно становится шире, поскольку в данный преступный промысел включаются также покупка или сбыт краденых лошадей. В соответствии с этим и уголовная ответственность стала иной, более строгой, в частности Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало за названные действия ссылку в Томскую или Тобольскую губернии. В отношении виновных могли быть применены телесные наказания в виде розог; также их могли направить в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на срок 1–4 года (ст. 1155, 2166) (Уложение о наказаниях..., 1845: 480-481, 863).

Закон «Об изменении и дополнении узаконений, касающихся кражи лошадей и вообще скота» от 18 марта 1880 г. был дополнен новыми положениями. Так, в числе прочих появилось требование в тех местностях, где действовали судебные уставы 1864 г., дела о кражах лошадей и скота передавать мировым судьям, изъяв их из ведения станичных и волостных судов (ПСЗРИ, 1880. Т. 55: 75).

В январе 1848 г. на территории 12 губерний, отличавшихся масштабами распространения воровства лошадей, с введением особых правил «О мерах к отвращению конокрадства» начался трехлетний эксперимент. Приведём отрывок из отчёта Департамента полиции, характеризующий положение дел к началу 1848 г.: «Это зло вкоренилось почти повсеместно, а особенно в восточной полосе России. В одной Саратовской губернии по 6000 лошадей; так же весьма много крадут их в Оренбургской, Вятской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и других... конокрадство обратилось в постоянный и устроенный промысел. Конокрады находятся в тесных отношениях между собой, действуя заодно на весьма значительном пространстве. Украденная лошадь через несколько часов, иногда прежде чем хозяин заметит пропажу, передана вором в другие руки за 20, 30... верст за 200 и более, где легко сбывается на ярмарках и базарах. Вред, причиненный крестьянам... неисчислимы, если принять в соображение, что несколько дней остановки в полевых работах... может лишить поселянина на целый год способов к прокормлению себя и семейства. Нередко случается, что у зажиточного крестьянина, у которого 3 или 4 лошади, их всех уводят в одну ночь, и крестьянин разорен окончательно» (Сведения..., 2010: 180-181).

В числе нововведений, например, от городской и земской полиции требовалось приступать к раскрытию дел «о покраже лошадей» немедленно; в помощь последней назначить дополнительных комиссаров, которые должны были сосредоточиться на этом направлении работы, для чего наделялись правом переходить из уезда в уезд, из губернии в губернию; в судах дела данной категории решать также «...без очереди и безо всякого замедления», уделяя внимание подробностям совершения кражи: одним лицом или преступной шайкой, днём или ночью, со взломом или без и т. д. Начальникам губерний вменялось в обязанность следить как за ходом расследований, так и за действиями следователей, которых в случае промедления наказывать.

Имелись инструкции и относительно конокрадов. Так, тех из них, кто выдавал товарищей, следовало освобождать от телесного наказания, не выдавать на поруки и содержать под стражей во время следствия и суда. Отбывших наказание определённое число лет в арестантских ротах надлежало отдавать не помещикам или обществам назад, а в солдаты; не способных к службе переселять в Сибирь. За каждого «изобличенного и переданного» в руки правительства вора и его сообщника полицейским, должностным лицам сельского управления и людям низших сословий, по распоряжению местного начальства, полагалась награда – 3 руб. серебром. Денежные средства взыскивались с остатков земских сборов, из казны; убытки потерпевших – с имущества виновного.

В 1854 г. действие временных мер было продлено (ПСЗРИ, 1849: 50-51). Однако, несмотря на это, количество преступлений не изменилось, поскольку премия в размере 3 руб. была ничтожно мала и многие крестьяне не соглашались на исполнение такого опасного поручения. Вскоре Законом от 28 февраля 1865 г. во всей центральной России должности комиссаров были упразднены.

В ст. 931, 1654 Уложения о наказаниях 1885 г., рассматривавших конокрадство, зафиксированы следующие меры для лиц, занимавшихся покупкой заведомо краденых лошадей: арест на срок до 3 мес. или денежное взыскание до 300 руб.; а для виновных и в скупе, и в сбыте заведомо краденого скота – лишение прав, ссылка в Сибирь, передача в исправительные арестантские отделения, заключение в тюрьму на срок до 1 года.

Поскольку отдельное наказание за скупку и сбыт лошадей отсутствовало, вора, за неимением доказательств участия непосредственно в хищении, можно было привлечь за укрывательство простой кражи либо за покупку заведомо краденых вещей. Понимая это, виновные старались свести обвинение к покупке заведомого краденого. Законотворцы же, учитывая данные обстоятельства, предлагали уравнивать наказание за укрывательство кражи лошади с наказанием за участие в краже (Уложение о наказаниях, 1892: 409-410, 863).

Раньше, в XVIII в., дела по гражданским искам и уголовным преступлениям находились в ведении уездных, провинциальных и губернских канцелярий. Иностранцам судиться по мелким делам в русских присутственных местах казалось сложным и обидным. Судьями представители национальностей также воспринимались как чуждые элементы. Вследствие незнания языка суда и законов они претерпевали «...великие трудности и неразумения истинных сих законов и порядка дела», нередко были вынуждены прибегать к содействию осведомленных в судебной и приказной казуистике людей (ходоков, поверенных), чьи услуги были достаточно дороги. Последние, бывало, специально затягивали рассмотрение дел, дабы «вытянуть» из крестьян больше денег.

Обременительным выступало требование излагать жалобы на гербовой бумаге, цена которой составляла 4 коп., челобитная же оплачивалась особой пошлиной в 3 руб. Поэтому мурзы Пензенского и Саранского уездов в своём наказе просили все случаи по «мелким делам» (а именно искам не выше 30 руб., долгам, спорам, дракам) передавать в руки старшин и мулл.

В качестве иллюстрации изложенного приведём отрывки из сохранившихся наказов: «Между ж нами татарами, в касающихся малых делах, разбирать нашим муллам и старшинам»; об устройстве местного суда: «Просим, чтоб определить нам, служилым, старшину, и при нем достойного муллу для разбирательства касающихся между нами в малых делах, кроме важных смертоубивственных и прочих криминальных дел, судить письменно или словесно; а чего им разобрать будет не можно, то-б отсылать, куда надлежит, ибо через то получить можем не малый себе способ» (Ташкин, 1921: 172-174, 178).

Конокрадство особенно свирепствовало на окраинах уездов и губерний – так как местная власть была малоэффективна в борьбе с подобными преступлениями, их раскрываемость оставалась крайне низкой. С.Ф. Ташкин, изучавший быт иностранцев, писал: «В первой половине XVIII в. в Поволжье было множество татарских деревень, которые славились конокрадством». Если к пришлым ворам население относилось в целом негативно, то местных открыто ненавидело и презирало.

Народ считал воров врагами, и даже если человека уличали в подобном проступке впервые, о пощаде речь не шла. В основном похитителей направляли на каторжные работы. Лица, попавшиеся на мелких кражах (овощей и фруктов, мёда и пчельников и т. д.), подвергались телесным наказаниям в присутствии жителей сельского схода; при повторной поимке наказывались плетьюми, отдавались в рекруты, либо ссылались на поселение в Сибирь (Ташкин, 1921: 148-150).

Татары Саратовской и Самарской губерний, по свидетельству А. А. Левенстима, как правило, у себя не воровали, мало того, они давали клятву не обижать своё общество. Зато соседние деревни, населённые русскими, страдали от них очень сильно, поэтому отношения между поселениями были обострённые (Левенстим, 1889: 39). В «Тамбовских губернских ведомостях», например, читаем: «...этот хищник и вор из-за боязни настроить против себя односельчан, в своих окрестностях не шалит, а делает наезды в более отдаленное, заранее намеченное и хорошо изученное место» (Иванюшенков, 1882: 2).

Крестьяне, не находя защиты у местных властей, суда и полиции, нередко прибегали к самосуду, что заканчивалось убийством конокрада либо нанесением ему тяжких телесных повреждений. В частности, таким преступникам в прямую кишку могли засунуть заострённую палку или ружейный шомпол, после чего спустя время он неминуемо умирал; скрутить в кольцо, сломав позвоночник; связать руки за спиной, надев уздечку, утопить в реке и т. д. Иногда, как отмечал А.А. Левенстим, «...на скамье подсудимых перед присяжными оказывались целые деревни, от 20 до 30 мужиков и баб, даже доходило до 1440 душ и чаще всего подобные дела заканчивались поголовным оправданием подсудимых. Иной раз, дабы не всей деревней оказаться на каторге в Сибири, полностью вину за убийство конокрада брал на себя один житель села» (Левенстим, 1889: 29-31).

Рассмотрим судебное дело, возбужденное в декабре 1758 г. по отношению к жителю татарской деревни Тавлы Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Лямбирский район Мордовии) Петеею Иштерикову в возрасте 60 лет. Оно разбиралось в саранской воеводской канцелярии. Обвиняемый признался в нескольких кражах лошадей (больше 6 животных) у крестьян с. Маресева Саранского уезда в разное время. Трёх лошадей он уже продал (за 2 руб., 1 руб. 20 коп. и за 80 коп.) татарам деревней Пишли и Щербаково. Впоследствии животные были найдены и возвращены под расписку прежним владельцам.

По отношению к Иштерикову канцелярия должна была применить п. 9 гл. 21 Соборного Уложения 1649 г., который гласил: «...Татя за первую татьбу бить кнутом и отрезать ему левое ухо, посадить в тюрьму на два года, а животы его отдать исцом, и из тюрьмы посылать его в кандалах работать на всякие изделия, где государь укажет. И как он два года в тюрьме отсидит, и его послать в окраинные города, где государь укажет, и велеть ему... быть, в какой чин он пригодится».

Во избежание наказания Иштериков изъявил желание креститься и подал в саранскую воеводскую канцелярию «доношение» следующего содержания: «По природе моей, я состою в магометанском законе. Ныне-же, по проповеди слова Божия, познал всесовершенно, что почитаемый и признаваемый прочими в оном законе состоящими людьми за пророка и посланника Божия глаголемый Магомет не есть и никогда не был от Бога посланный, но самый студный и лживый пророк и предтеча антихристов. Тако-ж и закон его (куран или алкоран называемый) есть самый лживый, богопротивный. И по такому моему несовершенному, чрез проповедь, узнанию оногo лжепророка Магомета и его алкоран отрицаются и проклинаяю. Христианский же закон самый истинный и богоугодный быти, узнав, утверждаю, что Иисус Христос есть Сын Божий и Бог истинный, во единосущном и нераздельном с Отцом и Святым Духом божеств славимый и поклоняемый... Ныне я истинной совестью возжелал принять ту христанскую спасительную веру и прибыти в ней до скончания моей жизни непоколебимо и непревратно». В итоге 24 декабря 1759 г. он был крещен, получил имя Василий и предупреждение, что «...ежели он впредь впадет в такие или другие вины, то с ним поступлено будет по государственным правам указам неотменно» (Сацердотов, 1895: 1, 4-5).

Что касается скупщиков краденого, жителей деревней Пишля и Щербаково, они в прошлом были татарами и во избежание наказания также приняли христианскую веру. Например, до крещения Михаила Алексеева звали Резен Бикмаев, а «...крещен он... в городе Саранске за то, что он в саранскую канцелярию был приведен с краденой коровой». Другой скупщик, Алексей Герасимов, «...крещен в Алаторской провинции за то, что был приведен с краденными лошадьми. В результате розыскных мероприятий во дворе у Герасимова было найдено 30 передних и задних лошадиных ног. Когда... его спросили, зачем будучи крещеным, ест конину, он ответил, что кониной кормит свою новокрещеную жену и детей, а сам он не ест. Но, разумеется, в это показание никто не поверил» (Сацердотов, 1895: 3).

Татары, попадавшие на воровстве лошадей, во избежание уголовного наказания принимали христианство. Дело в том, что для обращения иноверцев в православие правительство практиковало такую меру, как освобождение новокрещенных на три года от рекрутской повинности, от выплаты податей и любых сборов на «государственные нужды». Все повинности этой категории распределялись на иноверцев, не принявших христианского закона. В частности, в Указе от 28 сентября 1743 г. читаем: «...которые инородцы содержатся в губерниях и провинциях, и городских воеводских канцеляриях под караулом по маловажным делам, а именно: обличенные в первом и другом малом воровстве, в ссорах и драках и тому подобных винах (кроме виновных по первым двум важным пунктам, в неоднократных разбоях и смертных убийствах) и требуют святого крещения, такие вины отпущать и из-под караула чинить их (виновных) свободными» (Сацердотов, 1895: 2).

В материалах Екатерининской законодательной комиссии, извлечённых С. Ф. Ташкиным, выявлено следующее: «...Как и прежде... многие из татар, черемис, учиня из разных обывателей кражи пожитков и лошадей и прочие непорядочные поступки и озорничества... и забирая в долг многочисленное число денег, и сбывая покраденное ими – платежа или пыток и наказания, также и долговых денег...» неохотно воспринимали веру греческого закона. Тем не менее инородцы Симбирской губернии (куда входил ранее Ардатовской район Мордовии), «...дабы не потерпеть им какого-бы в силу законов истязания или штрафа», все же принимали христианство и в соответствии с упомянутым выше законом получали трёхлетнюю льготу в отношении уплаты податей и несения повинностей (Ташкин, 1921; 159-160).

Следует отметить, что добропорядочные татары на переход в православие смотрели как на наказание и полагали, что принимать его должны лишь те, кто виновен в совершении какого-либо преступления. Однако мусульмане, уличённые в преступных деяниях, охотно крестились, считая такой шаг единственным спасением и вместе с тем достаточно лёгкой мерой, поскольку она практически не вносила каких-либо серьёзных перемен в их существование. Так, в обыденной жизни они по-прежнему соблюдали все мусульманские праздники и посты, жили со своими некрещёными жёнами, назывались привычными татарскими именами. Новые же имена использовались только в случае столкновения с русскоязычным начальством. В православные храмы они не ходили, икон в домах не имели, продолжали есть конину, одним словом, как писал М. И. Сацердотов, «...принявши крещение, они оставались магометанами» (Сацердотов, 1895: 3). Притом, в отсутствие какого бы то ни было учёта (ни духовными, ни гражданскими чинами не велось списков новокрещенных татар), многие совершали преступления снова и снова, крестившись в связи с этим по несколько раз.

Как сообщалось в исторических источниках второй половины XIX в., татарское население Симбирской губернии было менее исполнительно в плане следования требованиям начальства, чем русское. Местные татары описаны как плутоватые, много и часто должавшие без стремления расплатиться. В соответствии с этим в их поселениях гораздо больше разного рода тяжёлых дел, чем в русских и мордовских. Кроме того, татары удивительно умело пользовались знанием русского закона для скрытия собственных преступлений.

Что касается крещёных татар названной губернии, они представляли «грустное явление» в среде русского крестьянства, ибо соединили в себе все дурные свойства магометанина-татарина с

заимствованной от русских склонностью к пьянству. Среди преступлений, часто совершаемых ими, зафиксированы конокрадство, а также воровство леса и хлеба, увозимого в снопах с крестьянских полей. Хищение лошадей было особенно развито в с. Ломаты, Керамсурке и Хлыстовке Ардатовского уезда. Также здесь широко промышленяли карманники, хотя и не так масштабно, как в русском селе Тетюши (*Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии, 1868: 218, 241*).

Конокрадство, бесспорно, являлось одним из факторов, которые негативным образом влияли на уровень экономического развития крестьянского хозяйства страны, а именно способствовали его снижению. Ряд правительственных мер против подобных преступлений практически не дал устойчивых позитивных результатов: динамика хищений лошадей оставалась прежней и продолжала периодически то усиливаться, то затихать, как отмечалось в «Тамбовских губернских ведомостях» (*Иванюшенков, 1882: 1*).

Что касается ежегодного количества краж лошадей татарами, к сожалению, таких статистических данных не обнаружено. Есть лишь общие сведения за 1864–1866 гг. по 21 губернии России. Так, всего в этот период было украдено 13 856 лошадей, в частности в Пензенской губернии 426 (за 1 год – 142), в Тамбовской – 416 (за 1 год – 138,7). К примеру, в 1861 г. всего лошадей в Пензенской губернии насчитывалось 404 164 голов, из них в уездах 383 820 голов, в городах – 20 344 (*ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 126. Л. 33*). В 1895 г. количество лошадей в указанной губернии сократилось до 222 301 голов (*ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6727. Л. 1-2*). Следует отметить, что уменьшение количества поголовья лошадей зависело от ряда причин, во-первых, недостаток кормовой базы (в среднем на одну лошадь приходилось 42,9 пуда сена в год, а для нормального пропитания необходимо было 241 пуд и более). Во-вторых, недостаток ветеринарных врачей и различные эпизоотии, влекущие массовую гибель скота (сибирская язва, ящур, чума и др.). Например, только в Инсарском уезде Пензенской губернии в 1842 г. в результате заболевания чумой погибло 137 голов (*ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2621. Л. 14*); в Краснослободском уезде указанной губернии в 1850 г. пало 290 голов (*ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2696. Л. 53*). В-третьих, плохой уход за скотом и истязание лошадей полевыми работами, в том числе извозом на дальние расстояния: к примеру, за одну поездку в Астрахань за 20 дней пути, крестьянин мог выручить с лошади по 35–40 руб. прибыли, а за прогон скота гуртовщики получали от 60 до 100 руб. в год (*НА НИИГН. И–421. Л. 82-83*). И четвёртая причина – конокрадство.

В 1888–1893 гг. в окружных судах с участием присяжных заседателей рассматривались дела в отношении 4 073 подсудимых. Из них были осуждены 3 855 чел., оправданы 230. В мировых судебных учреждениях разбирались 25 118 дел о конокрадах. Из них были осуждены 19 031 чел., оправданы 6 087. За эти 6 лет были осуждены в Пензенской губернии 211 чел. (в среднем за 1 год по 35,1 чел.), Симбирской – 244 (40,6), Саратовской – 270 (45), Тамбовской – 298 (49,6), в Самарской губернии – 789 чел. (в среднем за 1 год по 131,5 чел.) (*Левенстим, 1889: 44-45, 48-49, 52*). Таким образом, можно сделать вывод о том, что суды проявляли по отношению к конокрадам должную строгость.

Приведённые цифровые данные не дают нам точных сведений о количестве похищенных лошадей, тем не менее, они представляются интересными. В частности, они говорят о том, что конокрадство было развито неравномерно: больше всего от него пострадала Самарская губерния, меньше – Пензенская. Мы солидарны с мнением дореволюционных исследователей о том, что местным властям следовало уделить особое внимание названным регионам, а именно тем населённым пунктам, которые «прославились» рассматриваемым видом преступления.

В определённой мере провоцирующим для развития конокрадства фактором следует считать легкомысленное отношение крестьян к пастьбе домашнего скота, который, оставшись без присмотра, становился лёгкой добычей преступников. Местные власти периодически доносили до населения мысль о необходимости бдительного надзора за лошадьми.

Со своей стороны, хозяева лошадей и другого скота для его защиты в связи с частыми кражами по возможности нанимали пастухов. Например, помещики Саратовской и Самарской областей, желая оградить себя от расхищения домашних животных, нанимали в табунщики известных конокрадов. Последние хорошо стерегли скот хозяина и умели разыскивать пропавших лошадей через своих товарищей. При этом помещичий табун нередко служил местом для укрывательства краденых животных, а пастух оправдывался тем, что: «...Лошадь случайно пристала к его табуну в прошлую ночь и откуда она взялась, он не знает» (*Левенстим, 1889: 68*). В татарских населённых пунктах пастухов (караульных или особых, лошадных, пастухов) нанимала община и все владельцы скота обязывались их кормить поочередно.

Кроме того, в пастьбе лошадей, особенно в ночное время, могли участвовать подростки под наблюдением взрослых. Согласно имеющимся данным, в Темниковском уезде Тамбовской губернии услуги пастухов были довольно дороги: плата за одну лошадь колебалась между 15 коп. и 1 руб. 20 коп., за корову – от 15 коп. до 1 руб., за овцу – от 2 до 25 коп. Молодые телята обычно отделялись и находились под наблюдением хозяев, телята постарше считались как полкоровы. Лошадей пасли только в ночное время, а днём, как правило, использовали для работы в поле.

Особым, лошадным, пастухам с каждого двора платили 1 руб. 31 коп. Конкретные условия прежде всего зависели от количества дворов. Большинство пастухов собирали с каждого двора на прокормление хлеб, пироги, яйца (3-4 раза в год в назначенные праздники и при первом выгоне

скота на пастьбу), меньшее их количество кормились так ежедневно (завтракали, получали хлеб, ужинали). Например, в деревне Татарской Велязьме Тамбовской губернии (ныне Атюрьевский район Мордовии) в 80-е гг. XIX в. числилось всего 28 дворов; на расходы пастуха выделялись около 40–50 руб. и продовольствие в натуральной форме. Ежегодно каждый двор в среднем расходовал не менее 2 руб. Если в общине числилось более 200 дворов, скот разделяли на несколько разных стад. За потерю скота с пастуха взыскивали штраф – половину стоимости животного ([Сборник статистических..., 1883: 127-130](#)).

Рассматривая динамику активности «коневых татей», можно заметить определённую периодичность, связанную со сменой времён года. Явный рост конокрадства совпадает с периодами межсезонья, когда, с одной стороны, внимание было полностью сосредоточено на выполнении всего объёма сельскохозяйственных работ, а с другой – раскрытие и расследование хищений затруднялось в связи с погодными особенностями (в частности с коротким днём, яркими красками природы и пр.), поскольку следы преступлений терялись. Относительно затишье в смысле краж зафиксировано зимой, поскольку домашний скот содержался в конюшнях на подножном корму, т. е. достаточно хорошо контролировался. Хотя крестьянские постройки нередко были плохи и воры могли с лёгкостью в них проникнуть. Однако дважды в год: весной, когда животные, наконец, выводились в поля, и осенью, когда лошади были в хорошем состоянии после длительного нахождения на природном корме, – число преступлений резко увеличивалось.

Несмотря на серьёзный вред, наносимый преступниками, часто народ оказывал им поддержку из боязни мести. Например, сотрудничество с полицией или просто своевременное сообщение о пропаже лошади несло с собой достаточно высокий риск поджога. В восприятии крестьянства контингент конокрадов выглядел весьма сплоченно и организовано. Кроме того, старики утверждали, что с ворами надо жить в ладу, поэтому некоторые деревни от них просто откупались. Так, крестьяне деревни Кашперовки Пензенской губернии платили конокрадам 12 руб. в год. При этом «коневые тати» нередко вымогали у населения деньги под предлогом охраны животных и угрожая их похитить, если плата не будет внесена, а также сообщением ложных сведений о том, где находится пропавшая лошадь ([Левенстим, 1889: 69](#)). Нередки случаи, когда краденые животные после уплаты денег возвращались. Следует отметить, что подобные действия подпадали под статью о мошенничестве.

Факторы, вызывавшие рост рассматриваемых преступлений, а также способы похищения и средства сбыта краденых коней не были одинаковы по всей России. В связи с этим в рамках борьбы с хищениями органам правопорядка поручалось изучать не только общие, но и условия на местах. Так, в циркуляре Министра внутренних дел от 20 июля 1880 г. чинам полиции вменялось в обязанность «...ознакомление с местными условиями, при которых действуют конокрады и с приемами, которые употребляются ими для сокрытия следов преступления» ([Левенстим, 1889: 47](#)).

Рассмотрим основные причины, побуждавшие людей совершать данное преступление. Во-первых, лёгкость осуществления кражи, особенно в летнее время, ввиду отсутствия надлежащей охраны животных, оставленных на полях во время ночной пастьбы. Как известно, крестьяне, проживавшие в Поволжье, страдали от малоземелья и общих пастбищ не имели, поэтому до рассвета лошади находились на лугах и убранных полях. В отсутствие средств для привлечения должной охраны население нередко использовало помощь детей и подростков, которые не отличались внимательностью в отношении своих обязанностей. Во-вторых, простота угона похищенных лошадей, которые, собственно, и служили ворами средством передвижения. В отличие от ситуации с кражей другого имущества (например хлеба, одежды и т. д.), здесь не требовалась повозка, чтобы перевезти награбленное в намеченное преступниками место.

Наконец, в-третьих, следует помнить, что борьба с конокрадами не могла вестись в полной мере, особенно в сельской местности, поскольку там не было, с одной стороны, должной охраны имущества крестьян, а с другой – достаточного количества чинов полиции, которые приступали бы к раскрытию преступления непосредственно после случившегося. Кроме того, меры к поимке похитителей принимались не вовремя (так как крестьяне сообщали о пропаже не сразу) и неумело, вследствие чего преступники имели возможность скрыться.

Последнее обстоятельство привело к изменениям в структуре уездной полиции, а именно к введению института полицейских урядников «...для усиления уездной полиции и в помощь Становым Приставам для исполнения полицейской обязанностей, а также надзора за действиями сотских и десятских». Данное новшество действовало на основании соответствующего временного положения от 9 июня 1878 г. в 46 губерниях России и способствовало привлечению 5 000 чел.

Урядникам полагались жалованье в размере 200 руб. в год и 50 руб. на обмундирование, съёмная квартира и собственная лошадь ([ПСЗРИ, 1880. Т. 53: 398-399](#)). Среди их многочисленных обязанностей, на основании Инструкции министра внутренних дел, утверждённой 19 июля 1878 г., в том числе значилось содействие раскрытию и расследованию преступлений. А в п. 29 названной инструкции было сказано: «На полицейских урядников возлагается преследование конокрадства, для чего они обращают особенное внимание на лиц, слывущих в околотке за конокрадов, и следят за

местами, в коих, по народной молве, производится сбыт и укрывательство краденых лошадей и скота» ([Инструкция полицейским урядникам, 1880: 170-172, 180](#)).

Следует отметить, что не везде местная полиция в отношении конокрадов бездействовала или работала неумело. В ряде случаев велся учёт всех известных воров, промышлявших либо проживавших во вверенных участках. Последние, не желая быть пойманными, переносили свою деятельность в соседние уезды и губернии. Тем не менее, усилия сельской полиции в своевременном преследовании похитителей лошадей сильно затруднялись в отсутствие связи. Весьма действенной мерой для пресечения этого зла представлялась бесплатная телеграфная сеть, соединявшая крупные провинциальные города России, как писал К. Иванюшенков ([Иванюшенков, 1882: 2-3](#)).

Анализ дореволюционных источников показал, что крестьяне часто ограничивались самостоятельными поисками похищенного имущества. И дело не в том, что полицейским не доверяли. На практике быстро и вовремя сообщить им о краже не представлялось возможным, поскольку нередко хозяин, в надежде, что лошадь заблудилась и через некоторое время вернётся, устанавливал пропажу лишь через несколько дней. В отсутствие лошади, для того чтобы добраться до полиции из отдалённых районов, нужно было тратить деньги на наём подводы, а вера в благополучный исход поисков пропавшего животного была слабой.

В дополнение к уже перечисленным факторам следует также указать на выгодность данного вида преступления для конокрадов. Как известно, лошадь – самое ценное, необходимое имущество в крестьянском хозяйстве, поэтому покупатели на этот товар находились всегда. Да и сами крестьяне охотно приобретали краденое по более низкой цене, понимая, что таким образом лошадь обходится им дешевле.

Л. Весин к основным причинам широкой распространённости конокрадства относил: а) недостаток крестьянского самоуправления, б) обстановку в крестьянских обществах, потворствовавшую развитию краж такого рода, в) отсутствие достаточного количества пастбищ, на которых мог быть осуществлён выпас лошадей с организацией правильных караулов, г) дефицит полиции на местах, д) трудности преследования преступников, е) слабость наказания ([Весин, 1885: 354](#)). Буинский землевладелец, профессор Санкт-Петербургского университета С. Ф. Глинка полагал, что «...причина конокрадства и другой собственности лежит во всем складе жизни нашего простолюдина... эти преступления не могут быть искоренены непосредственными мероприятиями, а следует делать упор на превентивные меры: установку электрических звонков на скрытой проволоке в денниках и расширение телефонного сообщения, которое позволило бы оперативно распространять информацию о краже лошади» ([Труды местных комитетов..., 1903: 321-322](#)).

Если воровство не было обнаружено и расследовано сразу же после обнаружения преступления, то задачу установить виновных, а равно вернуть животных, следовало признать невозможной, поскольку технология реализации хищений являлась хорошо отработанной. Одни люди выясняли место, где содержались лошади, находившиеся в подходящих физических кондициях, другие осуществляли непосредственно их кражу и как можно быстрее передавали в третьи руки, а именно тем соучастникам, чья роль заключалась в переправе похищенного к месту его продажи. В итоге, как уже говорилось выше, прежде чем хозяин только заметит пропажу, она уже могла оказаться за 20, 30 и больше вёрст от родных мест.

В Саратовской губернии украденных лошадей организованно перегоняли по избранному тракту к Волге или Суре. Для этого имелись определённые договорённости с представителями практически каждого из поселений, расположенных на этом пути. Таким образом обеспечивалось алиби первого участника преступления, который спустя всего час или два уже находился у себя дома. Подобная сплочённость и продуманность действий конокрадами существенно затрудняли расследование случаев воровства и наказание преступников ([Весин, 1885: 356](#)).

Несмотря на то что кража лошадей могла закончиться жестокими побоями, убийством или ссылкой, тем не менее в рассматриваемый период масштабы хищений не уменьшались. По нашему мнению, переселением конокрадов в Сибирь данное преступление в принципе нельзя было искоренить; упомянутая мера лишь способствовала его распространению на другие территории, где организовывались новые шайки.

Однако, если в качестве средства уменьшения краж ссылка в Сибирь была совершенно бесполезной, то для местного населения эта мера выступала вредоносной. Большое количество криминальных элементов (поскольку, отбывая назначенные сроки, они, как правило, продолжали преступную деятельность) негативным образом влияло на жизнедеятельность мирных жителей, переселившихся сюда из Центральной России. В связи с этим Н. М. Ядринцев писал: «...Такой контингент весьма вредно влиял на гражданственность, он не обновлял страны, не оживлял производительности, но деморализовал общество, портил его соки и составлял помеху и опасность для свободного гражданина» ([Ядринцев, 1892: 222-223](#)). Считаем, что более верным решением было бы направлять преступников в те местности, где они не имели возможности заниматься привычным ремеслом.

В восприятии современников проблема имела несколько вариантов решения. Например, симбирский землевладелец И. П. Рютчик предлагал применять к конокрадам не арест, а высокий

штраф с обязательными исправительными работами; в случае же их несостоятельности – убытки потерпевшим компенсировать за счёт казны (*Труды местных комитетов...*, 1903: 135). Управляющий же Тамбовской казённой Палатой Н.Н. Кутлер для пресечения конокрадства в Тамбовской губернии рекомендовал принять следующие меры: а) вознаграждать потерпевших за счёт тюремных заработков конокрада, б) увеличить наказание за укрывательство больше, чем за само конокрадство, в) ввести книжки о происхождении лошадей (*Труды местных комитетов...*, 1903а: 9).

5. Заключение

Таким образом, изложенный материал свидетельствует о том, что в XVIII – XIX вв. самым частым преступлением против собственности, и особенно в сельской местности, выступало хищение лошадей. Подобные кражи осуществлялись как отдельными преступниками, так и преступными шайками по чётко разработанным криминальным схемам, предполагавшим распределение ролей. Среди последних имелись главари, угонщики, скупщики и т. д. Стоит подчеркнуть, что в большинстве случаев главари ускользали из рук правосудия, вместо них наказывались рядовые конокрады.

Анализ дореволюционных источников показал, что, несмотря на достаточно жёсткие санкции за хищение лошади, конокрадство было распространено повсеместно: как в европейской части России, так и на других территориях страны. Наказывались подобные деяния в соответствии с нормами российского законодательства. Из содержания упомянутых ранее правовых документов следует, что конокрадство было известно уже в Киевской Руси, другими словами, имеет давнюю историю.

В указанный период противодействию конокрадству в России придавалось большое значение. В рамках борьбы с ним, в частности, образовывались специальные комиссии для рассмотрения проблемы; в системе уездной полиции был введён институт полицейских урядников; устанавливалась премия за поимку конокрада и розыск похищенной лошади; ужесточались наказания за данный вид преступления.

Изучение исторических материалов позволило отнести к числу основных причин развития конокрадства следующие: относительная простота совершения преступления в сочетании с высокой прибыльностью последующей реализации ворованных животных; полное отсутствие полиции в сельской местности; проблемы в работе местных органов власти и правопорядка по данному направлению (отсутствие системности; нехватка квалифицированных и профессиональных сотрудников); недостаток опыта ведения сыскного дела и материальной базы для расследования случаев воровства; пробелы в законе и слабость уголовного наказания, что выражалось в мягких приговорах конокрадам, а нередко в их освобождении (из-за недостатка улик, принятия христианства); нехватка пастбищ, на которых мог быть осуществлён выпас лошадей с организацией правильных караулов.

Сельские жители нередко пытались решать проблему самостоятельно, для чего осуществляли выкуп похищенных лошадей у конокрадов, платили им определённую сумму; нанимали в качестве охраны особых, лошадных, пастухов-профессионалов, а также, собственно, конокрадов; путём жестокого самосуда. Обращение крестьян к самосуду объяснялось рядом факторов: несовершенством региональной системы, и законодательной, и административной, и полицейской; медлительностью работы государственных судебных учреждений и бюрократизмом, которые в совокупности разрушали веру народа в справедливость официальных решений; неотвратимостью наказания за преступление; скоростью ответственности за противоправное деяние; адекватностью возмездия в противовес мерам, назначенным судом, которые не воспринимались обществом как равноценные содеянному, и т. д. Кроме того, негативное значение имел тот факт, что многие преступники из числа пойманных, будучи оправданными, продолжали заниматься преступным ремеслом.

Таким образом, конокрадство выступало прибыльным преступным промыслом. Раскрывать подобные преступления с каждым годом становилось все труднее: совершенствовались и тактика их осуществления, и способы ухода от ответственности. Несмотря на то что серьёзные меры принимались как на высшем законодательном уровне путём ужесточения санкций, так и на местном, тем не менее ясной и эффективной системы борьбы с конокрадством в итоге сформировано не было.

Литература

Весин, 1885 – *Весин Л.* Конокрадство, его организация и способы борьбы с ним населения // *Труды императорского Вольного экономического общества.* 1885 г. Т. 1. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1885. С. 350-368.

ГАПО – Государственный архив Пензенской губернии.

Иванюшенков, 1882 – *Иванюшенков В.* Конокрадство // *Тамбовские губернские ведомости.* 1882. № 107. 28 октября. С. 1-3.

Инструкция полицейским урядникам, 1880 – Инструкция полицейским урядникам // *Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 г.* СПб.: Типография Гогенфельден и Компания, 1880. С. 170-183.

Левенстим, 1899 – *Левенстим А.А.* Конокрадство с юридической и бытовой стороны // *Вестник права. Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете.* СПб.: Типография Правительствующаго Сената, 1899. № 2. С. 28–82.

- НА НИИГН** – Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
- ПСЗРИ, 1849** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1849. Т. 23. № 21844–22685. 665 с.
- ПСЗРИ, 1880** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1880. Т. 53. № 58610. 464 с. Т. 55. № 60680. 966 с.
- Псковская судная грамота** – Псковская судная грамота [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения: 24.01.2024).
- Русская Правда. Суд Ярослава** – Русская Правда. Суд Ярослава [Электронный ресурс]. URL: http://his95.narod.ru/rus_pr2.htm (дата обращения: 24.01.2024).
- Сацердотов, 1895** – Сацердотов М.И. Из судебных дел прошедшего столетия // *Сборник Пензенского губернского статистического комитета*. Вып. 3. Пенза: Типография губернского правления, 1895. С. 1-5.
- Сборник исторических..., 1868** – Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Приложение к Памятной книжке на 1868 год. Симбирск: Типография Симбирского Губернского Правления, 1868. 324 с.
- Сборник статистических..., 1883** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 4. Темниковский уезд. Тамбов: Издание Тамбовского губернского земства, 1883. 373 с.
- Сведения..., 2010** – Сведения, извлеченные из отчета Департамента полиции исполнительной МВД за 1847 год / *Материалы для истории крепостного права в России: извлечения из секретных отчетов МВД за 1836–1856 гг.* М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2010. 240 с.
- Соборное уложение 1649 года** – Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/> (дата обращения: 24.01.2024).
- Ташкин, 1921** – Ташкин С.Ф. Иностранцы Поволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Вып. 1. Иностранцы Поволжско-Приуральского края. Оренбург: Типография М. Н. Махова, 1921. 271 с.
- Тихомиров, 1953** – Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Издательство Московского университета, 1953. С. 75-86.
- Труды местных комитетов..., 1903** – Труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 38: Симбирская губерния. СПб.: Типография «Народная польза», 1903. 540 с.
- Труды местных комитетов..., 1903а** – Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: 1–58. Тамбовская губерния / 58 т. Т. 26. СПб.: Типография «Народная польза», 1903. 471 с.
- Уложение о наказаниях..., 1845** – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб.: Типография 2 отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1845. 898 с.
- Уложение о наказаниях..., 1892** – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1892. 796 с.
- Ядринцев, 1892** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: И. М. Сибиряков, 1892. 750 с.

References

- GAPO** – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi gubernii [State Archive of the Penza Province].
- Instruktsiya politseiskim uryadnikam, 1880** – Instruktsiya politseiskim uryadnikam [Instruction to police officers]. Sbornik tsirkulyarov i instruktsii MVD za 1878 g. SPb.: Tipografiya Gogenfel'den i Kompaniya, 1880. Pp. 170-183 [in Russian]
- Ivanyushenkov, 1882** – Ivanyushenkov, V. (1882). Konokradstvo [Horse stealing]. *Tambovskie gubernskie vedomosti*. 1882. № 107. 28 oktyabrya. Pp. 1-3. [in Russian]
- Levenstim, 1899** – Levenstim, A.A. (1899). Konokradstvo s yuridicheskoi i bytovoi storony [Horse theft from the legal and household side]. *Vestnik prava. Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. SPB: Tipografiya Pravitel'stvuyushchago Senata. 2: 28-82. [in Russian]
- НА НИИГН** – Nauchnyi arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Scientific Archive of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia].
- PSZ RI, 1849** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2-e. SPb., 1849. T. 23. № 21844–22685. 665 p. [in Russian]
- PSZ RI, 1880** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2-e. SPb., 1880. T. 53. № 58610. 464 p. T. 55. № 60680. 966 p. [in Russian]

[Pskovskaya sudnaya gramota](https://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm) – Pskovskaya sudnaya gramota [Pskov judicial certificate]. [Electronic resource]. URL: https://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (data obrashcheniya: 24.01.2024) [in Russian]

[Russkaya Pravda Sud Yaroslava](http://his95.narod.ru/rus_pr2.htm) – Russkaya Pravda Sud Yaroslava [Russian Truth Court Yaroslav] [Elektronnyi resurs]. URL: http://his95.narod.ru/rus_pr2.htm (date of access: 24.01.2024). [in Russian]

[Satserdotov, 1895](#) – *Satserdotov, M.I.* (1895). Iz sudebnykh del proshedshago stoletiya [From court cases of the past century]. *Sbornik Penzenskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Vyp. 3. Penza: Tipografiya gubernskogo pravleniya. Pp. 1-5. [in Russian]

[Sbornik istoricheskikh..., 1868](#) – *Sbornik istoricheskikh i statisticheskikh materialov o Simbirskoi gubernii*. Prilozhenie k Pamyatnoi knizhke na 1686 god [Collection of historical and statistical materials about the Simbirsk province. Appendix to the Memorial Book for 1686]. Simbirsk: Tipografiya Simbirskogo Gubernskogo Pravleniya, 1868. 324 p. [in Russian]

[Sbornik statisticheskikh..., 1883](#) – *Sbornik statisticheskikh svedenii po Tambovskoi gubernii*. T. 4. Temnikovskii uezd [Collection of statistical information on the Tambov province. Vol. 4. Temnikovsky County]. Tambov: Izdanie Tambovskogo gubernskogo zemstva, 1883. 373 p. [in Russian]

[Sobornoe ulozhenie 1649 goda](https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/) – Sobornoe ulozhenie 1649 goda [Cathedral Code of 1649]. [Electronic resource]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/> (date of access: 24.01.2024). [in Russian]

[Svedeniya..., 2010](#) – Svedeniya, izvlechennye iz otcheta Departamenta politsii ispolnitel'noi MVD za 1847 god [Information extracted from the report of the Police Department of the Executive Ministry of Internal Affairs for 1847]. Materialy dlya istorii krepostnogo prava v Rossii: izvlecheniya iz sekretnykh otchetov MVD za 1836–1856 gg. M.: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, 2010. 240 p. [in Russian]

[Tashkin, 1921](#) – *Tashkin, S.F.* (1921). Inorodtsy Povolzhsko-Priural'skogo kraya i Sibiri po materialam Ekaterininskoi zakonodatel'noi komissii. Vyp. 1. Inorodtsy Povolzhsko-Priural'skogo kraya [Foreigners of the Volga-Ural Territory and Siberia based on the materials of the Catherine Legislative Commission. No. 1. Foreigners of the Volga-Ural region]. Orenburg: Tipografiya M. N. Makhova, 271 p. [in Russian]

[Tikhomirov, 1953](#) – *Tikhomirov, M.N.* (1953). Posobie dlya izucheniya Russkoi Pravdy [Manual for the study of Russian Truth]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Pp. 75-86. [in Russian]

[Trudy mestnykh komitetov..., 1903](#) – *Trudy mestnykh komitetov Osobogo soveshchaniya o nuzhdakh sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti*. T. 38: Simbirskaya guberniya [Proceedings of local committees of the Special Meeting on the needs of the agricultural industry. T. 38: Simbirsk province]. SPb.: Tipografiya «Narodnaya pol'za», 1903. 540 p. [in Russian]

[Trudy mestnykh komitetov..., 1903a](#) – *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti: 1–58*. Tambovskaya guberniya / 58 t. T. 26 [Proceedings of local committees on the needs of the agricultural industry: 1-58. Tambov province/58 t. T. 26]. SPb.: Tipografiya «Narodnaya pol'za», 1903. 471 p. [in Russian]

[Ulozhenie o nakazaniyakh, 1845](#) – Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 g. [Penal and Penal Code 1845]. SPb.: Tipografiya 2 otdeleniya sobstv. e. i. v. kantselyarii, 1845. 898 p. [in Russian]

[Ulozhenie o nakazaniyakh, 1892](#) – Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda [Penal and Penal Code of 1885]. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1892. 796 p. [in Russian]

[Vesin, 1885](#) – *Vesin, L.* (1885). Konokradstvo, ego organizatsiya i sposoby bor'by s nim naseleniya [Horse theft, its organization and ways to combat it of the population]. *Trudy imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. 1885 g. T. 1. SPb.: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za». Pp. 350-368. [in Russian]

[Yadrintsev, 1892](#) – *Yadrintsev, N.M.* (1892). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony geographically, ethnographically and historically]. SPb.: I. M. Sibiryakov, 750 p. [in Russian]

Обычай конокрадства у татар-мишарей Мордовии в XVIII–XIX вв.: историко-правовые аспекты

Любовь Николаевна Щанкина ^{a, *}, Оксана Вениаминовна Егорова ^b

^a Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: schanckina@yandex.ru (Л.Н. Щанкина)

Аннотация. Представленная статья посвящена проблеме конокрадства у татар-мишарей Мордовии в XVIII–XIX вв. Авторы проанализировали законодательство относительно данного противоправного деяния, обратили внимание на причины его появления, меры борьбы с ним органов правопорядка, отношение власти и населения, виды наказания как обоснованные юридически, так и незаконные – в рамках самосуда. Результаты проведённого анализа имеющихся источников позволили прийти к выводу о том, что рассматриваемый вид преступления против собственности был характерен не только для губерний Поволжья, но в различных масштабах получил распространение по всей стране. В связи с этим борьбе с подобным типом преступности в указанный период придавалось особое значение. Главным образом, это обуславливалось тем обстоятельством, что лошадь являлась основным орудием производства для сельских жителей, а её потеря представляла для владельца значительный материальный ущерб, в большинстве случаев грозила разорением и голодным существованием. Кроме того, конное перемещение выступало чуть ли не единственно возможным вариантом коммуникации между населёнными пунктами. Установлено, что воровство лошадей было одним из худших видов хищений и осуждалось крестьянским обществом. В частности, сам человек, уличённый в краже, терял уважение общины, а этот его проступок бросал тень на всю семью. Несмотря на то что серьёзные меры принимались как на высшем законодательном уровне путём ужесточения санкций, так и на местном, тем не менее ясной системы борьбы с конокрадством в итоге сформировано не было.

Ключевые слова: губернии Поволжья, Республика Мордовия, татары-мишари, преступный промысел, конокрадство, воровство, обычное право.